

Natalia Anufrieva

Иконография Страшного Суда по двум памятникам книжных собраний урало-сибирского региона

Przegląd Wschodnioeuropejski 7/1, 67-82

2016

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

NATALIA ANUFRIEVA
Ural Federal University

ИКОНОГРАФИЯ СТРАШНОГО СУДА ПО ДВУМ ПАМЯТНИКАМ КНИЖНЫХ СОБРАНИЙ УРАЛО-СИБИРСКОГО РЕГИОНА

Iconography of the Last Judgement on the Example of Two Book Monuments from Collections of the Regions of Urals and Siberia

Ключевые слова: иконография, Страшный суд, художественное оформление, Урал, Русский Север, книжно-рукописная традиция

KEYWORDS: iconography, the Last judgement, decoration, Urals, Russian North, books and manuscript tradition

ABSTRACT: The paper is devoted to analysis of iconography of the Last Judgement plot on the example of two book monuments from collections of Urals and Siberia – “Living of Basil the New” and “The word of Palladiy-monk”. These essays reflect the most important stages of the iconography plot development, which lasted for centuries. Analysis of iconographic details of manuscripts allowed for improving ideas about formation of symbols and images of the Last Judgement in Russian art. It showed variety of artistic facilities in accordance with stylistic specifics and iconographical editions. Analysis of the iconography of the manuscripts allowed to find a process of cultural interaction between the Old Believers workshops and the artists as an important factor for the development of the book decoration art.

Воскресни, Боже! Боже правых!

И их молению внемли:

Приди, суди, карай лукавых,

И будь един царем земли!

Гаврила Державин

Изображение величественных картин заключительного момента мировой истории в соответствии со Священным Писанием, когда явится Высший Судия чтобы «воздать каждому по делам его» (Откр. 22:12), когда свершится вселенский Страшный суд над живыми и мертвыми, складывалось в христианской иконографии на протяжении нескольких

веков, и нашло отражение в искусстве фресковых росписей храмов, барельефах, иконописи, книжной миниатюры, лубочной картинке, а также в современном искусстве различных стилевых направлений – от классики до модерна

Традиционная композиция Страшного суда включает в себя несколько сюжетных линий, следующих одна за другой в определенном порядке, охватывая все детали композиции. Единым гармоничным аккордом они воспроизводят грандиозную картину последнего Судного дня¹. Книжные миниатюры представляют отдельные изображения цикла, поскольку они ориентируются на текст определенной главы сочинения, где идет описание соответствующего события Страшного суда. В результате, книжный лицевой вариант раскрывает тему Страшного суда несколькими следующими друг за другом миниатюрами. Основными сюжетами картины Страшного суда, которые отражены, прежде всего, в книгах Ветхого и Нового Заветов являются: трубный глас ангелов, явление Иисуса Христа на престоле, воскрешение мертвых и суд над праведниками и грешниками, картины обновления мира, торжество праведников в небесном Иерусалиме и, по другую сторону, – низверженные в ад грешники и их вечные мучения. Тексты Священного Писания, которые касаются темы предсказаний Страшного суда и воздаяния «каждому по делам его» достаточно разрознены (отрывки из «Видения пророка Даниила», Евангелия от Иоанна, Евангелия от Матфея, Апокалипсиса и др.). Но наряду с текстами Священного Писания существовали сочинения, сводившие все «свидетельства» картины Страшного суда воедино. «Своей развернутой иконографической схемой, призванной назидать и наставлять, изображение Страшного суда было обязано сочинениям Святых Отцов – преподобного Ефрема Сирина и священномученика Ипполита Римского, святителей Кирилла Александрийского и Андрея Кессарийского, монахов Палладия и Григория, развивших и систематически изложивших христианское учение о Страшном суде» (Пивоварова 2014, 14).

В данной статье представлены исследования иконографических рядов двух памятников – «Житие Василия Нового» и «Слово Палладия мниха». В ходе работы была поставлена задача на примере отдельных списков сочинений выявить наиболее общие и часто встречающиеся художественные композиции, сюжеты на тему Страшного суда, их своеобразие в зависимости от характера сочинения, отметить стилистические особенности

¹ См.: икона «Страшный суд», кон. XIV – нач. XV в. Москва, Успенский собор Московского Кремля; икона «Страшный суд», XVI в. Киев, Музей Русского искусства (из собр. Б. И. и В. Н. Ханенко); фреска «Страшный суд», 1502–1503 гг. Феррапонтов монастырь. Собор Рождества Богородицы; икона «Страшный суд», 1580-е гг. Сольвычегодск, Историко-художественный музей (из Благовещенского собора Сольвычегодска); и др.

рукописей и характерные структурные отличия изобразительного ряда. Кроме того, сделана попытка на материале поздних старообрядческих рукописей выявить отдельные иконографические черты ранних западноевропейских кодексов, проследить наиболее типичные черты византийско-русской иконографии и отметить включение западноевропейских художественных элементов ренессансного искусства в русскую книжную миниатюру.

Рассмотрены рукописи книжных собраний центрального уральского региона: Лаборатории археографических исследований Уральского федерального университета (Сборник 1, IV.23р; Сборник 2, XXVI.14р; Сборник 3, V.77р); Екатеринбургского частного музея «Невянская икона» (Нравоучительный сборник, 2.5р), а также список собрания Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук (Слово Палладия мниха, Тих. № 17).

«Житие Василия Нового»

Византийское агиографическое сочинение X в. «Житие Василия Нового и Григориево видение», приписываемое монаху Григорию, подробно освещает сюжет на тему Страшного суда, и является, по мнению многих исследователей, одним из первых сочинений, в котором сюжет Страшного суда нашел достаточно полное отражение (Вилинский 1913, 277; Буслаев 2001, 191–194; Братчикова 2001, 289–292; Дергачева 2004, 74; Пентковская 2004, 128; Пивоварова 2014, 27–28; и др.). В период рубежа тысячелетий христиане находились в ожидании конца «тысячелетнего царства», воцарения Антихриста и прихода «судных времен», поэтому совершенно логичным явлением для искусства этого периода было складывание иконографического канона Страшного суда.

Текст памятника на протяжении веков претерпевал определенные изменения. В настоящее время известно несколько славяно-русских текстовых редакций «Жития»: три Русских редакции (I, II, III) и так называемая Компилятивная, т. е. имеющая в своем составе части текста из двух различных редакций (Ануфриева 2010, 169–181).

Три списка из фондов ЛАИ УрФУ принадлежат к двум различным текстовым редакциям – II Русской редакции (Сборник 3, V.77р, кон. XVIII – нач. XIX в.) и Компилятивной (Сборник 1, IV.23р, кон. XVIII в.; Сборник 2, XXVI.14р, кон. XIX в.). Изобразительный ряд, соответственно, следует за текстом и трансформируется в зависимости от изменений содержания (Ануфриева 2009, 166–168; Ануфриева 2010, 182–232). Циклы

миниатюр к разным текстовым редакциям характеризуются определенным композиционным и образно-символическим своеобразием.

Список Жития в составе сборника IV.23r включает в себя 49 миниатюр, из них 30 – относятся ко второй части сочинения, т. е. к видению инок Григория сцены Страшного суда. Иконография списка имеет сходство с миниатюрами рукописей Русского Севера втор. пол. XVIII–XIX вв. Это выражено, прежде всего, в общности схем рисунков, в подаче отдельных смысловых элементов, в оформлении каждой миниатюры широкой рамкой, а также в цветовой гамме, характерной для северных рукописей, в особенности северодвинских (Амосов 1992, 131–137; Бубнов 2001, 314–319; Иткина, 1992, 21–22, 32–34, 84, 120–121). Это доминирование цветов – зеленого и красного, и как дополнение к ним – охристый, коричневый, синий и др., характерные орнаментальные цветочные и архитектурные включения (Ил. 1)². С определенной долей вероятности можно предположить, что эта рукопись создана на Русском Севере либо является достаточно точной копией одной из северодвинских рукописей, переписанной в другом регионе.

Следует отметить, что северорусские старообрядческие списки сочинения «Житие Василия Нового» отличаются стилистическим единством. Они опираются на, так называемый, стиль «северных писем» – сложившуюся к XVIII в. в различных районах Русского Севера (Сев. Двина, Пинега, Вологда и др.) общность оформительских традиций. И в то же время они представляют достаточное разнообразие в подаче композиционных построений, символики образов и количества миниатюр. Вероятно, яркие образы этого сочинения будили фантазию художников и вдохновляли на создание самых разных картин, помогающих «наглядно» показать путь христианина за пределами мира земного. К примеру, один из списков XVIII в. собрания РНБ содержит наиболее полное и подробное лицевое воплощение памятника: 25 миниатюр посвящены жизни и «чудесам» святителя Василия, 39 миниатюр – «мытарствам» Феодоры, 63 миниатюры – Страшному Суду (Сборник 4, ОЛДП. Q. 798). Миниатюры буквально через лист чередуются с текстом, детально показывая все этапы хождения души и ответа ее перед Богом на Страшном суде. Из многообразия просмотренных рукописей «Жития Василия Нового», созданных на Русском Севере, не удалось выявить совершенно одинаковых изображений списков, т. е. точных копий миниатюр. Тем не менее, некоторое сходство список IV. 23r обнаруживает со списком «Жития» XVIII в. из собрания

² См. аналогичное оформление в рукописях: Сборник, XVIII в. РНБ. ОЛДП. Q 798; Житие Василия Нового и Григориево видение, XVIII в. РНБ. ОЛДП. Q 717; Цветник, кон. XVIII в. ИРЛИ. Северодвинское, 152; Житие Василия Нового и Григориево видение, кон. XIX в. БАН. 1.1.37 (Бурц.); и др.

РНБ по схеме рисунка, формату, порядку следования миниатюр, сходству в передаче отдельных мотивов (Житие Василия Нового, ОЛДП. Q. 717). Кроме того, в обоих списках присутствует «выходная» миниатюра с изображением сидящего за столом и пишущего Григория (Ил. 2). В рукописи РНБ эта миниатюра расположена в середине рассказа о скитаниях святителя Василия (возможно, это ошибка при реставрации), она должна находиться либо в начале сочинения, либо перед «видением Григория», или, как в списке IV.23р, в конце повествования.

Другая рукопись собрания ЛАИ УрФУ – Сборник втор. пол. XIX в. XXVI.14р по признакам редакции полностью совпадает с рукописью IV.23р. Это, прежде всего, – формат, композиционные решения, схемы рисунков, порядок следования миниатюр и их количество. Рукопись включает в себя 27 миниатюр раздела о Страшном суде. Разница в количестве миниатюр объясняется неполным составом рукописи XXVI.14р. В ней отсутствуют три миниатюры: «выходная» с сидящим за столом и пишущим иноком Григорием и две миниатюры с изображением стоящих перед Судией «преподобных жен и мучениц» и «Адама и прочих святых». Стиль оформления в рукописи XXVI.14р совершенно иной, нежели в списке IV.23р. В нем превалируют достаточно неброские цвета или оттенки: синего, коричневого, темно-зеленого, красного и др. (Ил. 3). Сравнение данной рукописи с другим списком ЛАИ УрФУ – толковым Апокалипсисом VII.290р (Ануфриева 2014, 41–44, 153–171) показал удивительное сходство в оформительских деталях: способ прорисовки персонажей, очерковая манера рисования близкая к стилю примитива, прорисовка деталей архитектуры, колористика. Кроме того, совпадает почерк в обоих списках, т. е., вероятно, переписывал и оформлял эти рукописи один человек. Возможно, они имеют уральское происхождение. Отличает эти книги некоторая условность изображений. Художник за внешней «простотой» образов оставляет определенную недосказанность. Такой стиль в искусстве иногда обозначается как «народный примитив». Именно из этого стиля, а также из лубочной картинки впоследствии черпало вдохновение искусство авангарда, в частности, экспрессионизм (Дмитриев 1957, 350).

Таким образом, группируя рассмотренные рукописи по сходным признакам (Сборник 1, IV.23р, Сборник 2, XXVI.14р и рукопись Жития собрания РНБ – ОЛДП. Q. 717), можно выделить самостоятельную иконографическую редакцию памятника «Жития Василия Нового». Все эти три рукописи принадлежат к одной текстовой редакции – Компилятивной, в состав которой входит текст III Русской редакции (Дмитрия Ростовского) – рассказ о святителе Василии и повествование о мытарствах Феодоры, а также текст II Русской редакции – о Страшном суде. Изображения

объединяет общий для всех списков порядок следования миниатюр и их композиционные построения. Учитывая единую стилистику списков IV.23p и РНБ, а также сходство отдельных иконографических признаков с рукописями северодвинской традиции, с большой долей вероятности можно предположить, что данная иконография происходит из старообрядческих мастерских Русского Севера.

Список V.77p, текст которой мы соотнесли со II Русской редакцией содержит свой набор изобразительного ряда. Стилистика оформления списка V.77p имеет яркие отличительные черты. Это использование полутонов и переходов цвета, благодаря смешиванию красок, а также их тонкому наложению, в результате чего создается эффект полупрозрачного красочного слоя. Стилистику рукописи можно обозначить как *барочную рокайльную*, благодаря наличию в рукописи элементов декора, актуальных для искусства XVIII – нач. XIX в. (Починская 1994, 67–68; Борщ 1999, 246–249; Борщ 2004, 75–80). Это симметричные листовные мотивы, изгибы архитектурных линий, ассиметричные виньетки, композиции из деревьев, орнаментальные рамки. Некоторые изобразительные элементы рукописи выглядят условно. К примеру, гора, на которую поднялись ангел и Григорий изображена в виде рокайльной виньетки (Ил. 4). Миниатюры списка выполнены на достаточно высоком профессиональном уровне.

Изображение сюжета о Страшном суде во всех рассмотренных списках можно условно поделить на отдельные информационные блоки. Первый блок последовательно повествует о том, что произошло с иноком Григорием после его перемещения во сне в мир иной и явленной ему картины. Ангел вознес его на высокую гору и показал многие таинства, как предвосхищение или приуготовление к самому акту Страшного суда: свержение Сатаны, сошествие ангельских полков на землю с трубами, извещающими о наступлении Суда Божьего, от звуков труб встали из гробов мертвые, а также из морей, рек, озер, лесов, возвешение четырьмя ангелами о воскрешении мертвых; о том, что встали по всей земле «все роды», «...и всяк язык и всяко колено» (Сборник 1. IV.23p, 49) в ожидании своей участи пред Судом Бога; появление сияющего креста на престоле, схождение «огненной колесницы», возглашение звуков труб и, наконец, явление на облаке Иисуса Христа: «...и по сих облак светел и бел яко снег четырьмя животными носим, посреди же облака того Господь наш Иисус Христос...» (Сборник 1, IV.23p, 54). Количество миниатюр данного блока в списке V.77p — 12, в северодвинской редакции (IV.23p, XXVI.14p) — 8. В списке V.77p более пространно отражена эта часть сюжета. Так, три миниатюры изображают видение инок Григория сразу после «перенесения» его в мир иной: вознесение на «высокую гору» и видение картины

– «ин мир странен и дивен» (Сборник 3, V.77р, 78); мира на небесах – Господа Саваофа в окружении ангельского чина, херувимов и «всевидящего ока» над ним; изображение града небесного Иерусалима. Содержание раздела сочинения, раскрывающееся в списке V.77р тремя изображениями, в северорусской редакции представлено только одной миниатюрой – условным изображением града небесного Иерусалима.

Список V.77р имеет ряд других своеобразных черт, которые позволяют отнести его к отдельной иконографической редакции со своим характерным набором признаков. По мере выявления других списков с аналогичным подбором миниатюр и большего накопления данных по кругу рукописей со схожими признаками можно будет дать определение данной иконографической редакции. Пока обозначим ее по номеру списка – V.77р.

Следующим большим циклом миниатюр сопровождается тема разделения праведников и грешников, перечисление добродетелей и грехов человеческих, воздаяние избранникам Божиим и наказание грешникам. Принцип противопоставления является здесь основным изобразительным приемом. Сначала взору инока Григория представляется большая череда праведников («мученицы», «исповедницы святых веры», «святители», «воздержницы и постницы», «пророцы», «милостивии и нищелюбцы», «супружницы чистые» и др.), которых «...призре Господь на десные страны ...» (Сборник 1, IV.23р, 58–70; Сборник 2, XXVI.14р, 53–72; Сборник 3, V.77р, 11–121), т. е. расположил их по правую сторону от себя. Затем картина резко меняется, и инок Григорий видит «...гнев Господен на грешники иже в ветсем и новем законе согрешиша ...» (Сборник 1, IV.23р, 71). Ярко и эмоционально показаны те, которых ангелы «вметати во огненное море...» (Сборник 1, IV.23р, 71). Это многочисленные толпы грешников – «прелюбодеи», «разбойницы», «блудницы», «скотоблудцы», «удавленницы», «гневливые и злопомнители» (Сборник 1, IV.23р, 71–75 об.; Сборник 2, XXVI.14р, 74–88; Сборник 3, V.77р, 124 об.–132 об.). В ожидании неминуемого наказания, грешники непрерывно восклицали, укоряя себя в сотворенных ими грехах, просили пощады. Но Господь не пожалел их. Здесь звучит главная мысль эсхатологического сочинения о необходимости своевременного покаяния: «...слезы ваши и покаяние и яше бысте принесли прежде умертвия вашего, то могли бысте очиститесь...» (Сборник 3, V.77р, 132 об.), но покаяния не было при жизни, и Господь гневно воскликнул, глядя на грешников: «...отыдите от мене, проклятии, во огонь вечный ...» (Сборник 3, V.77р, 132 об.). Различные виды грехов человеческих проходят чередой перед взором читателя, Страшный суд не щадит никого из грешников, но, пожалуй, апофеозом гнева Господнего являются картины суда над еретиками. Это – «нестории», «арии», «македонии», «иные еретици», «жидове», «иконоборцы» (Сборник 1,

IV.23р, 79–84 об.; Сборник 2, XXVI.14р, 89–101; Сборник 3, V.77р, 138–154). Отправляются в море огненное к Сатане все лжеучившие о Христе. Отдельная миниатюра отведена изображению суда над иудеями, предавшими Христа. Поскольку само видение Григория было изначально вызвано его сомнениями по поводу иудейской веры, этому эпизоду картины Страшного суда отведено особое место. Собравшиеся пред лицом Судии иудеи сокрушались и осуждали Моисея за то, что он проповедовал, что есть только один Бог: «...Моисей, ты дал еси закон нам, иже написа в нем ... Господь Бог твой един есть...» (Сборник 3, V.77р, 149). На что Моисей отвечает евреям: «... Не писах ли вам в законе сице гл[агол]я, пр[о]рока поставит вам Г[оспо]дь Б[о]г от братии вашей...» (Сборник 3, V.77р, 150). Моисей обличает иудеев в непомерной гордыне, злобе и зависти и, главное, в непонимании Божественной истины. И тут явился другой престол и «...на нем Ветхий Деньми отец почивая со едиnorodным Сыном и Словом... Бог Отец рече к ним, коего вы Бога законного призываете яко се есть едиnorodный Сын мой и Слово...» (Сборник 3, V.77р, 151. Ил. 5). Миниатюра списка V.77р красочно представляет описанный сюжет. В целом, она воплощает православную традицию изображения Святой Троицы, т. е. в старческом виде на престоле Бог-Отец, на другом престоле в царском одеянии Бог-Сын и между ними Святой Дух в виде голубя. Однако здесь есть некоторые «неточности» в подаче материала. В нижнем регистре изображена лежащая навзничь фигура с раскинутыми руками, как при распятии и внешне похожая на Бога-Сына, сидящего на престоле. В нижнем регистре под землей всегда изображаются грешники, и в данном случае должно быть изображение «мучителя Диоклетиана», о котором тоже речь идет в тексте. Видимо, переписчик достаточно вольно подошел к передаче этого сюжета, либо не совсем его понял и таким образом изобразил отвергнутого иудеями Христа.

В северорусской редакции есть отличие от трактовки образов Троицы, представленной в списке V.77р. Это изображение, которое следует из ранней западноевропейской традиции, где Иисус показан сидящим с крестом в руке (орудие Страстей), полуобнаженным и показывающим на груди кровавые раны.

Обе иконографические редакции, каждая по-своему, но последовательно и повествовательно отображают информацию этого блока. Количество миниатюр в списке V.77р – 14, в северорусской редакции: XXVI.14р – 15, IV.23р – 17. Текст рукописи данного раздела полностью представлен только в списке IV.23р. Два других имеют неполный состав³.

³ В списке V.77р отсутствуют разделы текста, нач.: «...В первых прииде пречистая Богородица...» и до раздела, нач.: «...А се иноцы трудившиеся ради Христа...». В списке XXVI.14р отсутствуют разделы с упоминанием «преподобных жен» и «судий ветхого завета».

В завершение цикла идет иллюстративный блок, повествующий о свершении Суда Божьего. Господь воссел на престоле славы своей и призвал к себе Пречистую Богородицу, двенадцать апостолов, семьдесят своих учеников. В лоне святой церкви собрались все святые и безгрешные люди. В обращении Господа к Григорию и ко всем людям звучит основное – право выбора человека: «...еже хотите изберите себе или жизнь вечную или муку бесконечную...» (Сборник 1, IV.23р, 95).

Количество миниатюр этого блока: в списке IV.23р – 5, XXVI.14р – 4, V.77р – 5. Во всех списках это похожие картины, изображающие праведников в лоне святой церкви и под сенью святого града Иерусалима. Только последние миниатюры трактуют сюжет по-разному. В списке V.77р на фоне цветущей земли и церкви изображены фигуры Богородицы, Иисуса Христа, беседующих со святителем Василием и с иноком Григорием.

Агиографическое сочинение «Житие Василия Нового и Григориево видение» как любой эсхатологический памятник христианской традиции пропитано идеями о призрачности мира сего и о необходимости каждому верующему вовремя покаяться, очистить душу, и тем самым помочь себе избежать «вечных мук». Фрагмент сочинения со сценами всеобщего воскресения и свершения Страшного суда выразительно и ярко, с некоторой долей торжественности обрисовывает человеку перспективу его дальнейшего пребывания в этом мире и за его пределами, ставя перед выбором между такими важными категориями бытия как добро и зло, нравственность и распущенность, вера в Бога и лжеучительство. Именно этот последний момент особенно актуально прозвучал в сочинении. «Житие Василия Нового» создавалось в эпоху, когда важно было показать успешную победу над еретическими течениями. К X в. христианское вероучение, победив разного рода ереси, в том числе длившуюся более ста лет иконоборческую, окончательно утвердило основные положения своей доктрины – о триединной Божественной сущности, о важности почитания икон. Появление памятника, своими идеями обличающего не просто пороки, а самый страшный грех – еретическое инакомыслие, т. е. отступление от понимания истинности Божественного, было особенно актуально в этот период времени. Поэтому главной особенностью сочинения является ярко выраженная политико-идеологическая направленность, имеющая, по словам Ф. И. Буслаева, «...чисто местный, византийский характер в изображении еретиков, как самых крошечных грешников...» (Буслаев 2001, 192).

Миниатюрные ряды списков «Жития Василия Нового», следуя основным правилам структурирования изобразительных деталей в соответствии с иконографической редакцией, демонстрируют разнообразные стилевые подходы в их подаче. Несомненно, это результат становления книжного

оформительского искусства, которое, во многом, развивалось благодаря привнесению элементов стилистик западноевропейского искусства (барокко, рококо). Включение элементов искусства западного не лишило русскую рукописную книгу собственной самобытности и своеобразия, что хорошо видно на примере списков ЛАИ УрФУ.

Слово Палладия мниха

Литературный памятник с полным названием «В неделю мясопустную слово преподобного отца нашего Палладия мниха о втором пришествии Христове, и о Страшном Суде, и о будущей муце, и о умилении души» был чрезвычайно популярен в древнерусской литературе. Это сочинение в 1647 г. было выпущено Московским печатным двором в составе «Сборника из 71 слова» (у старообрядцев он получил название «Большой сборник») (Зольникова 2006, 138). В свое время русским исследователем В. Сахаровым было установлено, что составлено сочинение на основе нескольких Слов св. Ефрема Сирина (Сахаров 1879, 148–166; Зольникова 2006, 138).

В «Слове Палладия мниха» также, как и в «Житии Василия Нового» красной нитью проходит и является основным рефреном сочинения идея своевременного покаяния. Чтобы не допустить страшных адовых мук, человек не должен впускать в свою жизнь безнравственность, подлость, зависть, гнев и т.д., но, если такое уже случилось в жизни, нужно открыть глаза на состояние своей души и обратиться к Богу с покаянной молитвой. С этого и начинается повествование Палладия мниха: «...Ныне исповеждься душе и ныне умилися, и ныне восплачися, слезы точащи непрестанно...» (Нравоучительный сборник 2.5р, 2).

Композиционно текст произведения выстроен примерно по той же условной схеме, что и в «Житии Василия Нового». Сначала разворачиваются монументальные картины, предвещающие наступление Страшного суда: явление миру трубящих ангелов, после чего «...море возмутится, земля потрясется и преисподняя вострепещет...» (Сборник 3, V.77р, 193), явится река огненная, которая пожжет землю, как знамение и предвестие Божественного пришествия появится на небе крест Господен, а затем пустой престол в окружении ангелов и херувимов. Следующим блоком идет явление Судии на престоле с грозной речью о том, что время пришло держать ответ за все совершенное в земной жизни: «...явите дела ваша и примите мзду по достоянию вашему...» (Сборник 3, V.77р, 203 об.), сами картины Страшного суда, когда открываются книги и в них «...явлена будет согрешение всех ч[e]л[о]в[е]к...» (Сборник 3, V.77р, 206), подробно

перечисляются грехи людские, отделяются праведники от грешников, ангелы ввергают грешников в реку огненную, а праведники получают воздаяние. Заключительным циклом идет описание небесного рая и святого города Иерусалима.

Особенностью композиционного построения текста является неоднократное использование принципа антитезы. Перед человеком всегда стоит альтернатива выбора, за который он несет ответственность. Сама идея произведения побуждает к изложению материала в виде христианской проповеди, т. е. в тексте непрерывно звучит назидание, нравоучение, поэтому изображение череды греховности здесь же сменяется описанием святости, как показательный пример достойной жизни верующего.

Три списка, взятые для анализа, в целом, имеют аналогичный состав текста. Небольшие текстовые отличия обусловлены неполным составом некоторых списков. Следует отметить, что данное сочинение отличается тем, что в нем нет строгого деления на главы. Переписчики выделяли киноварью инициалы, с которых начинались определенные значимые для понимания разделы текста. Изобразительные ряды списков имеют существенные расхождения, что позволяет говорить о различных иконографических редакциях памятника.

Список ЛАИ УрФУ V.77р – сборник, в котором кроме «Слова Палладия мниха», первым идет сочинение «Житие Василия Нового». Как уже отмечалось, список отличается своеобразием подачи иконографического материала, что выражается, прежде всего, в особенностях стиля, который мы определили как *барочно-рокайльный*. Изобразительные системы миниатюр этого списка, т. е. комплексы определенных мотивов и порядок их расположения в «Слове Палладия мниха» также имеют отличительные особенности. Список V.77р – это самостоятельная редакция с достаточно большим набором миниатюр (21), в которой каждая иллюстрация детально отображает текст соответствующей главы.

Новосибирский список (ГПНТБ СО РАН) содержит 18 миниатюр, также детально раскрывающих картины Страшного суда. Для этого списка характерно членение миниатюр на своеобразные тематические сектора или мини-рассказы, имеющие сходство с лубочной картинкой, что усиливается включением в миниатюру многочисленных письменных пояснений. Анализ иконографии списка путем сравнения со старообрядческими рукописями, созданными на Русском Севере, позволил сделать вывод об общности изобразительных систем и композиционных решений этого списка с северодвинской рукописной традицией⁴. Отдельные мотивы

⁴ См. также: Цветник духовный, 80–90-е гг. XVIII в. БАН. Калик., 187; Сборник, 50–60-е гг. XVIII в. РНБ. Калик., 44; Сборник, XVIII в. РНБ. ОЛДП. Q.25; и др.

и целые композиционные построения Новосибирского списка полностью совпадают с изобразительными решениями северодвинских рукописей. Например, характерный прием в изображении «реки огненной» – в виде большого лохматого потока, идущего по диагонали сверху и слева направо, и сжигающего на пути растения, животных и людей, а в правом верхнем регистре – ангелы поддерживают на облаке праведников (Ил. 6)⁵. Большое количество «совпадений» в отдельных изображениях и целых композиционных построений миниатюр позволяет нам отнести эти рукописи к одной редакции, назовем ее по месту происхождения северодвинской. Однако, стилистика рассмотренных списков различна. Рукописи, имеющие северорусское происхождение отличаются, прежде всего, яркими сочными цветами – сочетаниями красного с зеленым и их оттенков. О господстве в русской живописи красного и зеленого, о их противоположности и одновременно гармонии алой киновари с зеленоватыми и бледно-оливковыми тонами хорошо сказал в своих заметках М. Волошин: «...Глядишь издали как на красочные пятна – видишь радость, полноту земной жизни, утверждение бытия. Рассматриваешь вблизи: все говорит о Смерти и Суде...» (Волошин 2014, 168). Он объясняет, что в такой расцветке «...сказывалась вся полнота жизни, радостный избыток юного славянства, который мы знаем по цветам вышивок и кустарных работ...» (Волошин 2014, 168). По-другому выглядят миниатюры новосибирского списка. Это тоже обилие красного и зеленого, но достаточно приглушенных оттенков, а также наличие синего, черного, темно-коричневого цветов. Кроме того, стилистической особенностью списка является смешение элементов поморского, ветковского и гуслицкого стилей, особенно часто просматривающегося в инициалах. Применение подобного декора можно проследить также в работах уральских мастеров шарташских скрипториев (Ануфриева 2005, 16–19; Белобородов 2005, 343–362). Список ГПНТБ СО РАН был привлечен к исследованию наряду с уральскими рукописями как показательный образец широкого распространения и использования иконографической редакции, сложившейся на Русском Севере, в других российских регионах, в частности, урало-сибирским старообрядчеством.

Список музея «Невьянская икона» 2.5р имеет свои яркие отличительные особенности. «Слово Палладия мниха» включено здесь в ряд других сочинений правоучительного характера, в результате чего, вся рукопись представляет собой, своего рода, наглядное этико-воспитательное пособие, где в начале клеймятся людские грехи и заблуждения

⁵ См. аналогичное изображение: Сборник, XVIII в. РНБ. ОЛДП. Q.721, 10 об.; Сборник, XVIII в. РНБ. ОЛДП. Q.25, 63 об.; и др.

с непременным описанием наказаний за них, а в конце сборника своеобразным гимном звучит восхваление добродетели, праведности и чистоты душевной. Необходимо отметить талант переписчика сборника, проявившего себя, в первую очередь, в качестве грамотного составителя, умело использующего различные тексты сочинений и, конечно же, незаурядного художника-декоратора, оформившего рукопись на высочайшем уровне мастерства (Ил. 7).

Иконография «Слова Палладия мниха» рукописи МНИ в основных чертах близка северным рукописям. Особенно показателен список «Цветника» нач. XX в., оформленного в мастерской художников Каликиных (Цветник 1.1.40 (Бурц.). Творчество художников Каликиных опиралось на стилистику «с е в е р н ы х п и с е м»⁶. Однако произведения, созданные в мастерской Каликиных не были слепым копированием более ранних образцов. Это было, своего рода, творческим продолжением традиции, развитием ее в условиях другого времени (кон. XIX – нач. XX в.). Сравнительный анализ иконографии рукописи Каликиных и МНИ (Нравоучительный сборник 2.5р) показал следующее их сходство: в начале каждого списка воспроизведена заставка-рамка и большой орнаментированный инициал поморской стилистики; миниатюры композиционно выстроены одинаково (т. е. схема расположения персонажей и мотивов), но подача изобразительного материала в каждом списке своя. К примеру, можно сравнить изображения рая с праведниками и грешников в адовом огне этих двух рукописей (Ил. 8, 9). В каждом списке по-своему представлен «характер» персонажей: более статичные фигуры в рукописи МНИ и более эмоциональные и «энергичные» у Каликиных. Количество миниатюр в списке МНИ значительно меньше (12), чем в списке БАН (27). Таким образом, можно предположить, что художник, оформлявший «Слово Палладия мниха», входящее в состав списка МНИ, ориентировался на композиционные схемы, выработанные Каликиными, но использовал их достаточно творчески, переосмысляя по-своему образ каждого персонажа, выделяя отдельные мотивы цветом и тонкой прорисовкой, акцентируя внимание на особенно значимых местах текста сочинения.

Таким образом, иконография «Слова Палладия мниха», представленная в списке МНИ несет в себе как черты традиции (искусство Русского Севера, развившееся и получившее новые характерные черты благодаря творчеству талантливых художников Каликиных), так и яркого своеобразия художественного почерка оформителя рукописи, которое выражено, прежде всего, в утонченной манере художественного выражения с использованием

⁶ См. более ранний аналог рукописи Каликиных: Слово Палладия мниха, кон. XVIII в. РНБ. ОЛДП. Q. 630.

светотеневой модулировки, в использовании необычной яркой палитры цветов от розово-лилового до темно-фиолетового, в характерной графике палатного письма с детальной прорисовкой и включением орнаментальных мотивов. Подобный художественный стиль близок к стилю оформления рукописей, предположительно, созданных в поволжском регионе⁷.

Завершая обзор иконографии списков двух сочинений, следует еще раз отметить, что это только одна из изобразительных граней всей целостной картины Страшного суда. «Житие Василия Нового и Григориево видение» и «Слово Палладия мниха» значительно обогатили представление о Страшном суде в рамках славяно-русской культуры, а иконография этих памятников восполнила лакуны в художественной интерпретации образов, вследствие чего вся эсхатологическая композиция превратилась в единую связную картину.

Перечислим основные образы и символы этих двух произведений, которые дополнили картины Страшного суда: изображение «огненной реки», идущей от престола вниз в преисподнюю («Слово Палладия мниха»), иногда вместо реки изображение «змея мытарств» (Житие Василия Нового), отделение праведников от грешников направо от престола и налево («одесную» и «ошуюю») и изображение праведников в раю, а грешников в аду (оба сочинения), изображение Антихриста в огненном озере, держащем в руках душу Иуды («Слово Палладия мниха»), муки грешников, разделенных по видам грехов по отдельным секторам («Слово Палладия мниха»). Кроме того, в иконографии обоих памятников присутствует общая символика, характерная для всех сочинений христианской эсхатологической направленности – видение Сидящего на престоле в ореоле славы и в окружении ангельского чина, образы Святой Троицы, раскрытые книги, апостолы и святые.

Проанализированные художественные композиции списков коллекций Урало-Сибирского региона дают возможность шире представить разнообразие подходов и методов подачи изобразительного материала. Это разнообразие говорит о богатстве творческого потенциала старообрядческих переписчиков и оформителей, о живучести художественных традиций книгописного мастерства и о плодотворном их развитии в соответствии с веянием времени. Оно свидетельствует о взаимодействии между старообрядческими общинами и отдельными людьми, о деятельности старообрядческих скрипториев и мастерских, и, конечно же, о талантах художников-декораторов и переписчиков книг.

⁷ См. рукописи аналогичного стиля оформления: Октоих, сер. XIX в. ЛАИ УрФУ I.9р; Апокалипсис, втор. пол. XIX в. РНБ. ОЛДП. F.10.

Библиография

- Амосов, А. А. (1992), Книгописная мастерская тарногских крестьян Каликиных. В: Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 131–137.
- Ануфриева, Н. В. (2005), Иллюминированные рукописи Древлехранилища ЛАИ УрГУ (к вопросу о классификации). В: Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, вып. 4, 3–27.
- Ануфриева, Н. В. (2009), О лицевых списках «Жития Василия Нового и Григориева видения»: к постановке проблемы. В: Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, вып. 7, 154–168.
- Ануфриева, Н. В. (2010), Об особенностях бытования «Жития Василия Нового и Григориева видения» в средневековых книжных традициях. В: Вестник музея «Невьянская икона». Екатеринбург, вып. 3, 161–232.
- Ануфриева, Н. В. / Починская, И. В. (2014), Лицевые апокалипсисы Урала. Екатеринбург.
- Белобородов, С. А. (2005), Шарташ – старообрядческий рай (из истории «шарташской веры» на Урале в XVIII – первой половине XX вв.). В: Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв. Новосибирск, 343–362.
- Борщ, Е. В. (1999), Французская рокайльная виньетка как декоративный элемент старообрядческой книги XVIII в. В: История церкви: изучение и преподавание. Екатеринбург, 246–249.
- Борщ, Е. В. (2004), Французская книжная иллюстрация XVIII века. Опыт описания и анализа. В: Графика из Ирбита. Сб. статей, Ирбит, 75–80.
- Братчикова, Е. К. (2001), Лицевое Житие Василия Нового как иконографический источник народной эсхатологии. В: Старообрядчество: История и современность. Местные традиции. Русские и зарубежные связи. Улан-Удэ, 289–292.
- Бубнов, Н. Ю. (2001), Лицевые рукописи старообрядческой книгописной мастерской вологодских крестьян Каликиных. В.: Старообрядчество: История и современность. Местные традиции. Русские и зарубежные связи. Улан-Удэ, 314–319.
- Буслаев, Ф. И. (2001), Изображение Страшного Суда по русским подлинникам. В: Древнерусская литература и православное искусство. Санкт-Петербург, 187–208.
- Волошин, М. (2014), Чему учат иконы. В: Искусство и иску. Санкт-Петербург, 164–170.
- Вилинский, С. (1913), Житие святого Василия Нового в русской литературе. Одесса.
- Дергачева, И. В. (2004), Посмертная судьба и «иной мир» в древнерусской книжности. Москва, 71–92.
- Дмитриев, Ю. (1957), Об истолковании древнерусского искусства. В: ТОДРЛ. Москва-Ленинград, т. XIII, 345–362.
- Житие Василия Нового и Григориево видение. ОЛДП. Q. 717, XVIII в. РНБ.
- Зольникова, Н. Д. (2006), Екатеринбургский нравоучительный сборник конца XIX – начала XX в. из собрания музея «Невьянская икона» (г. Екатеринбург). В: Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI–XX вв. Новосибирск, сб. науч. тр., 138–157.
- Иткина, Е. И. (1992), Русский рисованный лубок. Москва.
- Нравоучительный сборник 2.5р, кон. XIX – нач. XX в., МНИ.
- Откр. 22:12, Апокалипсис или Откровение Иоанна Богослова. В: Библия. Новый Завет.
- Пентковская, Т. В. (2004), Древнейший славянский перевод Жития Василия Нового и его греческий оригинал. В: Византийский Временник. Москва, т. 63, 114–128.
- Починская, И. В. (1994), Старообрядческое книгопечатание XVIII – первой четверти XIX века. Екатеринбург.

- Пивоварова, Н. В. (2014), Страшный суд. Санкт-Петербург.
Сахаров, В. (1879), Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула.
Сборник 1. IV.23р, кон. XVIII в., ЛАИ УрФУ.
Сборник 2. XXVI.14р, кон. XIX в., ЛАИ УрФУ.
Сборник 3. V.77р, кон. XVIII – нач. XIX в., ЛАИ УрФУ.
Сборник 4. ОЛДП. Q. 798, XVIII в., РНБ.
Слово Палладия мниха Тих. № 17, нач. XIX в., ГПНТБ СО РАН.
Цветник духовный. 1.1.40 (Бурц.), нач. XX в., БАН.

Список сокращений

- РНБ – Российская Национальная библиотека
ОЛДП – Общество любителей древней письменности
БАН – Библиотека Академии наук
ИРЛИ – Институт Русской литературы и искусства
Откр. – Откровение
ТОДРЛ – Труды отдела древнерусской литературы
Калик. – Каликин (собр.)
Бурц. – Бурцов (собр.)
Тих. – Тихомиров (собр.)